Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-560-563

КУЛЕШОВА Инна Алексеевна,
Старший преподаватель кафедры ПРЭД
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: iakuleshova@fa.ru

ПРИЗНАКИ СМАРТ-КОНТРАКТА И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Данная статья посвещена анализу признаков смарт-контрактов на современном этапе практики их применения как особой конструкции, сочетающей в себе как правовую составляющую, так и технические средства и способы исполнения обязательств. Анализируются такие признаки, как цифровая форма и ее взаимосвязь с электронной формой договора, наличие алгоритма, самоисполнение, неизменяемость, конфиденциальность и автоматизированный характер исполнения обязательств, отдельно приведены примеры реализации смарт-контрактов в современных условиях, в частности, в банковской сфере.*

Ключевые слова: *Смарт-контракт, самоисполняющийся код, признаки смарт-контракта, цифровая форма договора, неизменяемость смарт-контракта.*

KULESHOVA Inna Alekseevna,
Senior Lecturer,
Department of Economic Development Faculty of Law
Financial University under the Government
of the Russian Federation

CHARACTERISTICS OF A SMART CONTRACT AND ITS PRACTICAL APPLICATION IN MODERN CIVIL LAW

Annotation. *This article analyzes the characteristics of smart contracts in their current application as a special construct that combines both a legal component and technical means and methods for fulfilling obligations. The article analyzes such characteristics as digital form and its relationship with the electronic form of the contract, the presence of an algorithm, self-execution, immutability, confidentiality, and the automated nature of fulfillment of obligations. Examples of smart contract implementation in modern conditions, particularly in the banking sector, are provided.*

Key words: *Smart contract, self-executing code, characteristics of a smart contract, digital form of the contract, immutability of a smart contract*.

Цифровизация гражданского оборота обуславливает появление новых способов реализации обязательственных правоотношений. Наряду с «классическими» формами сделок в современной практике появляются новые формы реализации обязательственных правоотношений, которые в настоящее время определяются термином «смарт-контракты». Указанный способ исполнения обязательств получил широкое распространение в связи с развитием технологии распределенного реестра, позволяющей обеспечить автоматическое исполнение заранее определенных условий без непосредственного участия сторон после запуска соответствующего алгоритма.

Значительный интерес к смарт-контрактам обусловлен не только их технологической отличительной особенностью и практической новизной, но и значительным потенциалом, позволяющим как оптимизировать издержки, так и минимизировать риски операций, исключая возможность внешнего вмешательства в исполнение обязательства.

Однако, повсеместное внедрение технологии смарт-контрактов и таит в себе определенные риски, в частности, связанные с отсутствием полноценного легального регулирования рассматриваемых правоотношений.

На современном этапе субъекты, использующие смарт-контракты в своей деятельности

самостоятельно разрабатывают правила, в которых, в числе прочего, отображают определение смарт-контракта и порядок его заключения, исполнения и другие значимые элементы Стоит отметить также, что внедрение данной конструкции в правовую действительность порождает целый ряд теоретических и прикладных вопросов, связанных с определением ее правовой природы, выявлением существенных признаков, а также оценкой допустимости и пределов использования в рамках действующего гражданского законодательства.

В связи с этим подходов к самому определению смарт-контрактов в настоящее время в доктрине выработалось несколько, равно как и позиций об их правовой природе, что не исключает существование и применение смарт-контрактов на современном этапе развития права и экономики, все эти определения и подходы в равной доле могут существовать.

Однако, все авторы, исследующие смарт-контракты, сходятся к примерно одному набору признаков, отличающих данных вид договорной конструкции.

Первым ключевым признаком смарт-контракта является цифровая форма. В отличие от традиционного договора, который, заключается в устной или письменной (в том числе электронной) форме и фиксируется в виде текстового документа, смарт-контракт существует в цифровой среде и выражается посредством программного кода. Именно данная особенность позволяет говорить о нем как о специфическом инструменте, возникающем в условиях цифровизации гражданского оборота и развития современных информационных технологий. Стоит отметить, что электронный документооборот как способ выражения воли участников гражданского правоотношения, приравненный к письменной форме сделки не отождествляется с кодом, используемым при реализации смарт-контракта.

Письменная форма может существовать параллельно с реализацией исполнения посредством смарт-контракта, не может в полной мере являться аналогом и заменять ее. Выражение воли во всяком случае должно быть обусловлено и выражено в той форме, в какой этого требует законодательство или в какой стороны пришли к соглашению данную волю выражать.

В 2019 году впервые цифровая форма сделки нашла легальное определение посредством принятия Федерального закона №259-ФЗ [1], согласно которому «письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю». Однако, в данном случае речь идет все же о письменной форме, выраженной посредством электронных средств, а не о новой форме для сделок. Так же стоит обратить внимание, что не все положения о сделках применимы к смарт-контрактам, поскольку сама сущность контракта не позволяет применять к ним все положения, к примеру, об односторонних сделках, отдельные положения об оспаривании сделок и ряд других.

Особенность цифрового выражения заключается также в том, что смарт-контракт создается, хранится и исполняется в электронной информационной системе, часто с использованием технологии распределенного реестра. Следовательно, само его существование неразрывно связано с цифровой инфраструктурой, которая обеспечивает устойчивость, доступность и проверяемость заложенных условий.

По мнению Е.В. Олейника, сущность смарт-контракта заключается в том, что это соглашение «написанное на языке программирования» [2]. Автор отмечает, что смарт-контракт – это лишь форма договора, при этом не являющееся самостоятельным видом гражданско-правового обязательства.

Отличительной чертой смарт-контракта от электронной формы сделки заключается в самом легальном определении последней, которое уже было указано выше. В отличие от электронной формы, смарт-контракт не может быть перемещен на письменный носитель, воспроизведен или озвучен иным способом. Таким образом, при «аналоговизации» электронного договора его сущность и содержание останутся в неизменном виде, осуществить такое со смарт-контрактом технологически невозможно.

Следующим отличительным признаком смарт-контракта является его неизменяемость. Данный признак выражается в отсутствии либо значительную ограниченность возможности одностороннего изменения условий и порядка исполнения после запуска соответствующего программного алгоритма. В отличие от традиционных форм выражение воли участников правоотношения, при которой практически на любом из этапов возможно внесение изменение в соглашение, технология «самоисполнения» смарт-контрактов не допускает внешнего вмешательства послед определения сторонами всех условий соглашения и выражения воли в форму программного кода. Программный код способен исполнить исключительно только то, что было

заранее в нем определено и внесение изменений влечет прекращение возможности реализации воли посредством смарт-контракта в целом.

В отдельных видах обязательств допускается как односторонний отказ от обязательства, так и изменение его условий по воле одного из участников правоотношения. Поскольку в смарт-контракте одностороннее вмешательство с целью изменить содержание соглашения невозможно, следовательно выражать исполнение данных видов обязательств в форме смарт-контрактов видится невозможным.

Отдельные авторы, к примеру, М.О. Кузнецов, отмечают и недостатки цифровой формы, выраженной в виде кода. По мнению автора, … если рассматривать смарт-контракт как эквивалент традиционного договора, то вместе с получением некоторых преимуществ, связанных с безопасностью его реализации, контрагенты испытывают и сложности с согласительными процедурами. Внешние условия, случайные издержки, форс-мажоры и прочие юридические факты, не учтенные в первоначальных версиях смарт-контрактов, влекут необходимость их аннулирования, что постоянно требует обслуживания программистами (контакт с программным кодом через оракулов), и написания новых кодов». [3]

Еще одним отличительным признаком смарт-контрактов является обязательное наличие алгоритма. Четкий заранее прописанный и известный участникам обязательства алгоритм, который будет исполнен исключительно в такой последовательности является отличительной чертой для данной договорной конструкции. Это один из признаков, благодаря которому смарт-контракты получили распространение в качестве надежного инструмента, посредством которого исполняется обязательство. Вся форма взаимодействия, как правило, строится по принципу «если – то». Это означает, что к следующему этапу исполнения договора можно перейти исключительно после того, как будет надлежащим образом исполнен предыдущий этап. К примеру, после проведения оплаты будут переданы объекты и аналогичный набор действий. Именно благодаря наличию алгоритма смарт-контракты определяются как «самоисполяемые» обязательства. Однако, формулировать алгоритм необходимо достаточно четко, для того, чтобы избежать «срабатывания» механизма «самоисполнения» и запуска алгоритма при ненадлежащем исполнении обязательств с одной из сторон.

Конфиденциальность как признак смарт-контракта заключается в том, что доступ к смарт-контракту может предоставляться только заранее определенным участникам правоотношения либо иным субъектам, обладающим соответствующими полномочиями. Указанный признак приобретает особую актуальность, когда речь идет о работе с инсайдерской информацией или коммерческой тайной. Благодаря данному признаку и технической невозможности вмешательства третьих лиц в содержание смарт-контракта рассматриваемый способ исполнения обязательства получает в настоящее время все более широкое распространение. К примеру, практика применения смарт-контрактов получает распространение в закрытых или корпоративных информационных системах, где доступ к программному коду, условиям исполнения и данным о сторонах ограничен рамками конкретной платформы. В таких условиях возможность ознакомления со смарт-контрактом предоставляется только заранее определенному кругу лиц.

При этом, стоит отметить, что конфиденциальность не является определяющим признаком смарт-контракта и не для всякого обязательства, исполняемого данным способом она характерна. Поскольку размещение смарт-контракта доступно и на сервисах, доступ которым предоставляется неограниченному кругу лиц (публичный доступ). Данный признак характерен только для тех для смарт-контрактов, которые реализуются в закрытых цифровых системах.

Заключительным признаком, характерным исключительно для смарт-контрактов является его самоисполняемость. Данный признак тесно связан с наличием исполняемого алгоритма, о котором ранее уже излагалось в рамках данного исследования. В самоисполнении в результате наступления определенных соглашением обстоятельств и прописанных в программный код, проявляется отличие смарт-контракта от электронной формы договора. Электронный договор, несмотря на цифровую форму, сам по себе не исполняет обязательства, а лишь закрепляет соглашение сторон в электронном виде. Смарт-контракт же не только фиксирует условия, но и содержит механизм их практической реализации. Следовательно, самоисполняемость выступает не дополнительной, а основополагающей отличительной характеристикой данной конструкции, поскольку без нее смарт-контракт утратил бы свое основное функциональное назначение, а именно, автоматизацию исполнения.

Одними из первых использовать смарт-контракты в отечественном банковском секторе начали такие организации как ПАО Сбербанк и АО «Альфа-Банк».

К примеру, согласно данным портала ПАО Сбербанк, в данной организации активно продвигается использование смарт-контрактов для рас-

четов с контрагентами [4]. Запущен специальный сервис в рамках программы ПАО Сбербанк для бизнеса и предлагается использование технологии API.

АО «Альфа-Банк» использует технологию смарт-контрактов, в основном, для корпоративных клиентов через платформу ЦФА «А-Токен» (на блокчейне HyperLedger). Данная организация посредством смарт-контрактов автоматизируют выпуск, оборот и погашение цифровых финансовых активов, а также обеспечивают выполнение залоговых обязательств по контрактам [5].

Таким образом, учитывая определяющие и отличительные признаки смарт-контрактов, можно видеть, что данный способ исполнения обязательств получает все более широкое распространение на территории РФ, а равно и за рубежом. Банки используют такие технологии прежде всего для автоматизации расчетов, выпуска цифровых финансовых активов, сопровождения сделок, обмена данными между участниками финансового рынка и снижения издержек при исполнении обязательств. При этом в большинстве случаев речь идет не о полном замещении традиционного договора смарт-контрактом, а о применении программного алгоритма как инструмента исполнения или обеспечения отдельных условий существующих в иных форме договоров. При этом, самоисполняемость не должна служить преградой для реализации воли участников правоотношения, а связь программного обеспечения и его функционирования с нормативно правовым регулированием обязательственных правоотношений порождает как для законодателя, так и для правоприменительной практики определенные трудности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ2 // СПС КонсультантПлюс

[2] Олейник Е.В. Смарт-контракт: понятие и перспективы развития в России // Материалы VI Международного научного конгресса. Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система / под научной редакцией А.В. Шарковой, О.Н. Васильевой, Б. Оторовой. 2018. С. 310

[3] Кузнецов М.О. Правовой режим смарт-контрактов в России, Германии и США: сравнительный анализ // Теория и практика общественного развития. 2024. № 2. С. 132–140. https://doi.org/10.24158/tipor.2024.2.18

[4] Сбер открыл свою платформу цифровых активов для всех юридических лиц [Электронный ресурс] // Сбер. URL: https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=868d6a4d-c5cc-4f00-aef1-7c83fa9897a1&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS (дата обращения: 20.12.2025)

[5] Правила информационной системы АО «Альфа-Банк» [Электронный ресурс]. URL: https://alfabank.servicecdn.ru/site-upload/7f/d6/7579/pravila_informacionnoi_sistemy_v4_15042026.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

References:

[1] Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated July 31, 2020 No. 259-FZ2 // SPS ConsultantPlus

[2] Oleynik E.V. Smart Contract: Concept and Development Prospects in Russia // Proceedings of the VI International Scientific Congress. Theory and Practice of Entrepreneurship Development: Modern Concepts, Digital Technologies, and an Effective System / edited by A.V. Sharkova, O.N. Vasilyeva, B. Otorova. 2018. P. 310

[3] Kuznetsov M.O. Legal Regime of Smart Contracts in Russia, Germany, and the USA: A Comparative Analysis // Theory and Practice of Social Development. 2024. No. 2. P. 132–140. https://doi.org/10.24158/tipor.2024.2.18

[4] Sberbank Opens Its Digital Asset Platform to All Legal Entities [Electronic Resource] // Sber. URL: https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=868d6a4d-c5cc-4f00-aef1-7c83fa9897a1&blockID=1303&regionID=77&lang=ru&type=NEWS (accessed: 20.12.2025)

[5] Rules of the Information System of Alfa-Bank JSC [Electronic Resource]. URL: https://alfabank.servicecdn.ru/site-upload/7f/d6/7579/pravila_informacionnoi_sistemy_v4_15042026.pdf (accessed: 10.02.2026).